

НЕВИДИМАЯ ЭКОНОМИКА ЖИЗНИ

Самое
трудное —
быть сильной,
когда рядом
твои дети...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

Толстиков

Часть 4

ПАПКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Том 12

ПОКА МАМА
В БОЛЬНИЦЕ

СЕМЬЯ

ЗДОРОВЬЕ

ДЕТИ

ПОДДЕРЖКА

СВОБОДА

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 4.
Папка доказательств. Том
12. Пока мама в больнице

*<https://litres.ru/74604417>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После месяцев судов, проверок и борьбы за право защищать детей Лина сталкивается с угрозой, которую невозможно оспорить жалобой: врачи обнаруживают новообразование. Пока она готовится к операции, главным страхом становится не диагноз, а разлука с детьми. Юля просыпается по ночам и зовёт маму, Павел скрывает тревогу за взрослой рассудительностью, а Елизавета временно удерживает их маленький мир от распада. Алексей продолжает забирать дочь по расписанию, не подозревая, что Лина находится в больнице. Документы фиксируют операцию и состоявшиеся встречи, но не сохраняют самого важного — кого ребёнок зовёт в темноте, и кто отвечает ему: «Я здесь».

«Пока мама в больнице» — двенадцатый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 21. Тонкая белая папка	4
Глава 22. Месяц до ответа	42
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН

2. Толстиков. Часть 4.

Папка доказательств. Том

12. Пока мама в больнице

Глава 21. Тонкая белая папка

Белая папка появилась у Лины в понедельник.

До этого все важные документы хранились в синей.

Мировое соглашение.

Постановления пристава.

Медицинские справки Юли.

Распечатки переписки.

Акты, составленные в дни, когда ребёнок болел.

Копии заявлений Алексея.

Судебные решения.

Каждый лист в синей папке доказывал одно и то же: Лина не исчезла, не препятствовала, не скрывала дочь, не нарушала намеренно. Она лечила ребёнка, предупреждала об отпуске, отвечала на сообщения и пыталась выполнять согла-

шение, которое постепенно превратилось в инструкцию по её преследованию.

Белую папку ей выдали в регистратуре больницы.

— Результаты обследований складывайте сюда, — сказала женщина за стеклом. — Анализы отдельно, заключения специалистов отдельно. На следующую консультацию принесёте всё.

Лина взяла папку.

Она была тонкой, почти невесомой.

На обложке напечатали название медицинского центра и оставили несколько пустых строк:

Фамилия.

Имя.

Отчество.

Дата рождения.

Лина заполнила их, сидя на узкой скамье возле кабинета.

Ручка скользила по гладкому картону.

Собственная фамилия вдруг показалась чужой.

Так бывало в суде, когда секретарь называла её полностью, официальным голосом, а затем добавляла:

«Административный истец».

Или:

«Должник по исполнительному производству».

Теперь у неё появилось ещё одно обозначение.

Пациент.

Она закрыла ручку и посмотрела на телефон.

До того момента, когда нужно было забирать Юлю из сада, оставалось два часа сорок минут.

Она всё рассчитала.

Консультация — двадцать минут.

Дорога — сорок.

Даже если врач задержит приём, Лина успеет.

За последние месяцы она научилась измерять жизнь не днями, а промежутками между обязательствами.

До передачи ребёнка.

После передачи.

До приёма пристава.

После судебного заседания.

До закрытия детского сада.

До следующей болезни.

Даже собственное обследование она поставила в расписание так, чтобы оно не касалось ничьего графика.

На стене напротив висел плакат с изображением женского тела. Отдельные органы были обозначены стрелками и подписями. Внизу крупными буквами напоминали, что ранняя диагностика повышает вероятность успешного лечения.

Лина отвернулась.

Она пришла сюда не потому, что внимательно относилась к своему здоровью.

Просто боль стала слишком заметной.

Сначала появлялась иногда.

Потом возвращалась вечером.

Позже стала будить её ночью.

Лина долго объясняла её усталостью, последствиями беременности, постоянным напряжением. Казалось естественным, что тело, которое несколько лет не отдыхало, однажды начнёт болеть.

Она принимала обезболивающее.

Ложилась на бок.

Клала подушку под живот.

Обещала себе записаться к врачу после очередной встречи с приставом.

Потом — после суда.

После отпуска.

После отмены штрафа.

После того, как Юля выздоровеет.

После того, как станет немного спокойнее.

Спокойнее не становилось.

Менялись только учреждения, в которых Лина должна была доказывать свою добросовестность.

И однажды утром, застёгивая платье, она нащупала уплотнение.

Небольшое.

Плотное.

Раньше его будто не было.

Лина несколько секунд стояла перед зеркалом, прижав пальцы к коже.

Потом убрала руку и пошла будить детей.

До вечера она старалась не думать об этом.

Получалось плохо.

На следующий день записалась на обследование.

Не потому, что испугалась за себя.

Потому что представила Павла и Юлю без неё.

Эта мысль оказалась сильнее привычки откладывать.

Дверь кабинета открылась.

— Порошина?

Лина поднялась.

— Да.

— Проходите.

Врач была женщиной лет пятидесяти, в очках с тонкой металлической оправой. Она не улыбнулась, но и не выглядела недовольной. Просто протянула руку за результатами.

— Что беспокоит?

Лина перечислила симптомы.

Врач читала заключение ультразвукового исследования, иногда возвращаясь к предыдущей странице.

— Как давно обнаружили образование?

— Несколько дней назад.

— А боль?

— Уже несколько месяцев.

Врач подняла глаза.

— Несколько — это сколько?

— Наверное, четыре. Может, пять.

— Почему раньше не обратились?

Лина посмотрела на белую папку у себя на коленях.

Можно было ответить коротко:

«Не было времени».

Но это прозвучало бы нелепо.

Время было.

Двадцать четыре часа каждые сутки.

Только почти все они кому-то принадлежали.

Юле.

Павлу.

Работе.

Судам.

Приставу.

Алексею, который продолжал занимать её жизнь даже в дни, когда не появлялся лично.

Каждый его приезд требовал подготовки.

Каждое сообщение — решения, отвечать или сохранять молчание.

Каждое заявление — объяснений, документов, копий.

Собственное тело оставалось последним участником этой системы, которому разрешалось подождать.

— Дети часто болели, — сказала Лина.

Врач продолжала смотреть.

— И были судебные дела.

— Судебные дела мешали обратиться к врачу?

В её голосе не было осуждения. Только желание понять.

— Они не мешали напрямую. Просто всё время казалось, что сначала нужно закончить одно. Потом другое. Потом ещё что-нибудь.

— А закончилось?

Лина невольно улыбнулась.

— Нет.

Врач сняла очки и положила их на стол.

— Теперь вам придётся поставить здоровье выше части этих дел.

Слово «придётся» Лина знала хорошо.

Ей приходилось передавать ребёнка.

Приходилось отвечать государственным органам.

Приходилось доказывать, что болезнь существует.

Приходилось соблюдать соглашение, даже когда Алексей использовал его не для общения с дочерью, а для контроля над Линой.

Но поставить себя выше чужих требований ей ещё не приходилось.

— Что показало обследование? — спросила она.

Врач повернула к ней заключение.

На листе было много терминов и цифр. Один участок обвели ручкой.

— Обнаружено новообразование.

Лина посмотрела на обведённую строку.

Слово казалось слишком длинным для того, что она на-

щупала пальцами.

— Какое?

— Пока не могу сказать. Требуется дополнительное обследование.

— Оно злокачественное?

— Я не стану отвечать без результатов. Сейчас у нас недостаточно данных.

— Но может быть?

Врач выдержала паузу.

— Может оказаться разным. Именно поэтому нужно не гадать, а обследоваться.

— Что дальше?

Врач начала перечислять.

Анализы крови.

Повторное исследование.

Консультация профильного специалиста.

Возможно, биопсия.

Дополнительная визуализация.

Лина слушала и записывала в телефон.

Каждый новый пункт занимал место в календаре.

— Насколько срочно?

— Не откладывать.

— Неделя?

— Чем раньше, тем лучше.

— У меня на этой неделе две передачи ребёнка.

Врач нахмурилась.

— Кому?

— Отцу.

— Это нельзя перенести?

— Теоретически можно.

— А практически?

Лина подумала о том, сколько документов понадобилось, чтобы доказать право Юли болеть.

О штрафе в десять тысяч рублей.

О приставах, которые рассматривали каждый пропущенный день отдельно от температуры, диагноза и назначения врача.

— Практически перенос одной встречи иногда занимает больше времени, чем сама встреча.

— Я не совсем понимаю.

— Есть мировое соглашение. Отец ребёнка требует соблюдать его буквально.

— Даже если у вас обследование?

— Это моё обследование, не ребёнка.

— А с дочерью некому побыть?

— Есть сестра. Но всё нужно согласовать.

Врач вернула очки на место.

— Согласовывайте. У таких вещей нет удобного времени.

Лина посмотрела на часы.

Один час пятьдесят три минуты до сада.

— Мне понадобится госпитализация?

— Пока рано говорить.

— А операция?

— Возможно.

— На сколько дней?

— Мы ещё не знаем, нужна ли она.

— Если понадобится, сколько обычно лежат?

— Это зависит от вида вмешательства и состояния пациента.

— Хотя бы примерно.

Врач внимательно посмотрела на неё.

— Почему вы спрашиваете о выписке до того, как мы определились с диагнозом?

Лина не сразу нашла ответ.

Потому что Юля просыпалась ночью и звала её, даже когда Лина просто выходила в ванную.

Потому что Павел научился не задавать вопросов, на которые боялся услышать ответ.

Потому что после переезда оба ребёнка проверяли, дома ли мать.

Потому что однажды они уже ушли из места, которое называлось семьёй, и теперь любое отсутствие могло показаться новым исчезновением.

— У меня двое детей, — сказала она.

— Я поняла.

— Младшая плохо остаётся без меня.

— Сколько ей?

Лина ответила.

— Отец может побыть с ней?

Вопрос прозвучал обычно.

Так же естественно, как «есть ли аллергия» или «какие лекарства принимаете».

Лина опустила взгляд на белую папку.

— Нет.

— Совсем?

— Я не могу оставить её у него на время госпитализации.

— Почему?

— Это долго объяснять.

Врач не стала настаивать.

Написала что-то в карте и протянула направления.

— Тогда заранее найдите человека, которому доверяете. Если потребуется операция, в первые дни после неё вы не сможете полноценно заниматься ребёнком.

— Я смогу.

— Вы ещё не знаете, какое будет вмешательство.

— Я всё равно буду заниматься.

— Понимаете, что иногда «заниматься» означает позволить другому человеку временно помочь?

Лина молчала.

— Если вам запретят поднимать тяжести, — продолжила врач, — вы не сможете носить дочь на руках.

Эта фраза испугала сильнее слова «новообразование».

— Сколько она весит?

Лина назвала.

— Это будет слишком много.

— А если осторожно?

— Если будет установлен запрет, значит, нельзя. Не «осторожно», не «ненадолго» и не «только до кровати».

Лина представила Юлю, протягивающую руки.

Мама, на ручки.

И себя, которая должна будет отказать.

— На какое время?

— Мы обсуждаем то, чего пока ещё не назначили.

— Мне нужно понимать.

— От нескольких недель. В зависимости от операции.

Несколько недель.

Дольше любой болезни Юли.

Дольше отпуска.

Дольше промежутка между некоторыми заседаниями.

Лина почувствовала, как холодеют пальцы.

— Следующий пациент ждёт, — мягко сказала врач. — Запишитесь на обследования. Когда будут результаты, поговорим предметно.

— Хорошо.

— И больше не откладывайте.

— Не буду.

Это обещание она дала слишком быстро.

Так обещают не потому, что уверены.

Потому что хотят поскорее выйти из кабинета, где возможное уже назвали вслух.

В коридоре стало теснее.

На скамьях сидели женщины с такими же папками.

Белыми.

Голубыми.

Прозрачными.

У одной из них на коленях лежала книга. Другая разговаривала по телефону:

— Нет, ничего пока не сказали. Я тебе потом позвоню.

Третья держала за руку пожилую мать.

Никто не выглядел так, будто жизнь остановилась.

Люди поправляли одежду, проверяли сообщения, записывались в следующие кабинеты. Возможно, у каждой из них был кто-то, кого вечером нужно накормить. Чей-то сад, школа, работа, лекарства, платежи.

Лина села у окна.

Открыла календарь.

Свободного места почти не было.

Во вторник — работа и встреча Юли с отцом.

В среду — приём у пристава.

В четверг — сад, рабочее совещание и вторая встреча.

В пятницу — Павла нужно было отвезти на занятие.

Следующая неделя выглядела не лучше.

Она нажала на ближайшее свободное время для обследования.

Система предложила утро четверга.

В тот день Алексей должен был забрать Юлю из сада.

Значит, Лина успевала.

Она записалась.

Потом выбрала анализы на среду — до пристава.

Ещё одну консультацию пришлось поставить на пятницу рано утром.

Телефон вывел подтверждение:

Запись создана.

Три новых медицинских события разместились между существующими обязанностями так аккуратно, будто происходили не с человеком, а с календарём.

Лина убрала телефон.

На белой папке остался след от её пальцев.

Она провела по нему рукавом.

По дороге в детский сад Лина заехала домой.

На кухонном столе лежала синяя папка. Утром она доставала из неё постановление и не успела убрать обратно.

Рядом стояла чашка Павла.

На спинке стула висела кофта Юли.

Обычные вещи.

Лина положила белую папку рядом с синей.

Они были почти одинакового размера.

Только синяя уже не закрывалась от бумаг.

Белая пока содержала несколько листов.

Судебная история весила значительно больше медицинской.

Лина раскрыла первую папку.

Верхним лежало постановление о прекращении исполнительного производства. Ниже — документ об отмене взыскания. Ещё ниже — копия медицинской справки Юли.

Она долго боролась за то, чтобы государство признало очевидное: больного ребёнка можно не передавать.

Теперь собственная болезнь пока не требовала доказательств перед Алексеем.

Он о ней не знал.

Никто не просил показать анализы.

Никто не требовал сообщить диагноз.

Никто не спрашивал, не использует ли она обследование как предлог изменить график.

Пока это принадлежало только ей.

Лина закрыла белую папку и убрала её в верхний ящик шкафа.

Не к судебным документам.

Отдельно.

Потом достала снова.

Если Павел случайно найдёт, увидит название центра и начнёт задавать вопросы.

Она перенесла папку в шкаф спальни, положила под стопку постельного белья.

Постояла рядом.

Достала ещё раз.

Прятать медицинские документы от детей казалось неправильным. Но сказать им сейчас означало напугать неизвестностью, которую она сама ещё не понимала.

Лина взяла папку с собой.

У входа в детский сад дети выстраивали из снега невысокую стену.

Юля сидела на корточках возле воспитательницы и пыталась удержать в варежках маленькую пластмассовую лопатку.

Увидев мать, она бросила её в снег.

— Мама!

Лина присела.

Юля разбежалась и обняла её за шею.

— Осторожно, — сказала воспитательница. — Она сегодня всех с ног сбивает.

— Мама пришла, — повторила Юля.

Будто Лина могла не прийти.

Будто каждый вечер требовал нового подтверждения.

— Конечно, пришла.

Она прижала дочь к себе и почувствовала ту самую боль.

Короткую.

Острую.

Лина едва заметно вдохнула.

— Что? — спросила воспитательница.

— Ничего.

— Вам нехорошо?

— Просто неудачно повернулась.

Юля отстранилась и заглянула матери в лицо.

— Больно?

— Уже прошло.

Девочка положила ладонь поверх её куртки.

— Я подую.

Она набрала воздух и подула туда, где, по её мнению, находилась боль.

— Всё?

— Всё.

— Не болит?

— Не болит.

Первая ложь оказалась маленькой и доброй.

И от этого не перестала быть ложью.

Дома Павел сидел за компьютером.

Услышав, как открылась дверь, вышел в коридор.

Он всегда выходил.

Не бежал навстречу, как Юля.

Просто проверял, кто пришёл.

— Долго, — сказал он.

— В саду задержались.

— Я тебе писал.

Лина достала телефон.

На экране было сообщение:

Ты где?

Отправлено двенадцать минут назад.

— Не слышала.

— У тебя звук включён.

— Телефон был в сумке.

Павел посмотрел на белую папку.

— Что это?

Лина сняла куртку.

— Документы.

— Я вижу.

— Из больницы.

Он сразу перестал изображать безразличие.

— Ты болеешь?

— Пока не знаю.

— Как можно не знать?

— Прохожу обследование.

— Из-за чего?

Юля потянула Лину за руку:

— Есть хочу.

— Сейчас разогрею.

Павел не отступил.

— Что обследуют?

— Паш, давай сначала поедим.

— Значит, что-то серьёзное.

— Это ничего не значит.

— Ты всегда так говоришь.

Лина остановилась.

— Как?

— «Сначала поедим». «Потом обсудим». «Пока ничего не известно». А потом оказывается, что ты уже давно всё знала.

В его голосе не было обвинения.

Только усталость ребёнка, которому взрослые слишком часто сообщали важное после того, как решение уже принималось без него.

— Я действительно пока ничего не знаю, — сказала Лина.

— Но к врачу ходила.

— Да.

— И папка из больницы.

— Да.

— Значит, что-то есть.

Лина посмотрела на сына.

Можно было убрать документы.

Перевести разговор.

Сказать, что взрослые иногда проходят обычные обследования.

Но Павел уже видел её страх.

И если она станет отрицать очевидное, научит его сомневаться в собственном восприятии.

Так делал Алексей.

— Врач обнаружила образование, — сказала Лина. —
Нужно выяснить, что это.

Павел побледнел.

— Рак?

— Нет. Мы этого не знаем.

— А может быть?

— Врач сказала, что гадать нельзя. Нужны дополнительные обследования.

— Ты умрёшь?

Юля перестала тянуть её к кухне.

Она не поняла вопроса, но услышала интонацию.

— Нет, — ответила Лина.

Слишком быстро.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что сейчас нет оснований так думать.

— Но ты не знаешь, что это.

— Не знаю.

— Тогда почему говоришь «нет»?

Лина поставила папку на тумбу.

Подошла к сыну.

— Потому что между «нужно обследование» и «мама умрёт» огромное расстояние. Мы сейчас в самом начале. Я записалась к врачам. Сделаю всё, что нужно.

— Когда узнаешь?

— Не сразу.

— Через сколько?

— Возможно, через несколько недель.

— Несколько — это сколько?

— Пока не могу сказать.

Павел сжал губы.

Юля подошла к нему и протянула игрушечную машинку, которую всё это время держала в руке.

— Паша.

Он не взял.

— Паша, машинка.

Мальчик опустил взгляд и всё-таки принял игрушку.

— Спасибо.

— Красная.

— Вижу.

Лина наблюдала, как он проводит пальцем по пластмассовой крыше.

Когда-то синяя машинка лежала в сумке рядом с зелёным ключом и документами. Она означала жизнь, которую нельзя оставить в доме Алексея.

Теперь Юля держала красную.

Другая игрушка.

Другая квартира.

Но тот же страх потерять то немного, что удалось спасти.

— Ты ляжешь в больницу? — спросил Павел.

— Пока не знаю.

— А если ляжешь?

— Тётя Лиза побудет с вами.

— Здесь?

— Да.

— А Юлю кто будет в сад водить?

— Тётя Лиза.

— А забирать?

— Она же.

— А если Алексей приедет?

— Встречи продолжатся по расписанию.

— Он узнает, что ты в больнице?

Лина посмотрела на белую папку.

— Я ещё не решила, нужно ли ему это знать.

— А если он скажет, что мы были одни?

— Вы не будете одни.

— Он уже говорил неправду.

— Поэтому всё организуем так, чтобы были подтверждения.

Павел кивнул.

Он не спросил, будет ли больно.

Не спросил, страшно ли ей.

Первым делом начал думать о том, какие обвинения может выдвинуть Алексей.

Лина почувствовала злость.

Не на сына.

На систему, которая заставила ребёнка обсуждать возможную операцию языком доказательств.

— Паш.

— Что?

— Сейчас не нужно думать о приставах и заявлениях.

— Почему?

— Потому что речь обо мне.

— Вот поэтому и нужно.

— Нет. Сейчас можно просто бояться.

Он посмотрел на неё.

— А ты боишься?

Лина хотела сказать, что нет.

Но сегодня уже достаточно соврала.

— Да.

— Сильно?

— Пока не знаю, чего именно бояться. Поэтому мысли придумывают самое плохое.

— У меня тоже.

— Расскажешь?

— Если ты умрёшь, Юлю заберёт Алексей.

Комната будто стала меньше.

Лина опустилась перед сыном на колени.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел.

— Сейчас никто не умирает.

— Но если...

— Мы не будем жить внутри каждого «если». Я пройду обследование. Если понадобится лечение — буду лечиться.

Если потребуется помощь — позовём тётю Лизу. Будем решать только то, что действительно происходит.

— А если операция?

— Значит, операция.

— Ты вернёшься?

Лина взяла его за руку.

— Сделаю всё, чтобы вернуться как можно быстрее.

Он сжал её пальцы.

— Это не ответ.

— Другого честного ответа сейчас нет.

Павел отвернулся.

— Ненавижу честные ответы.

— Иногда я тоже.

Юля забралась между ними и обняла Лину за шею.

— Мама дома.

— Да.

— Паша дома.

— Да.

— Все дома.

Павел всё ещё держал мать за руку.

— Все, — повторил он.

Но в комнате уже находилось возможное отсутствие.

Тонкое.

Белое.

Спрятанное между медицинскими листами.

Вечером Лина позвонила Елизавете.

Сестра ответила не сразу.

— Что случилось?

— Почему сразу случилось?

— Ты обычно пишешь.

Лина прислонилась к кухонному шкафу.

Юля сидела в комнате и строила башню. Павел делал уроки, но дверь оставил открытой.

После разговора он не хотел терять мать из виду.

— Мне может понадобится помощь, — сказала Лина.

— С детьми?

— Да.

— Когда?

— Пока не знаю.

— Лина, говори нормально.

Она рассказала.

Без предположений.

Без страшных слов.

Только то, что уже было известно.

Образование.

Дополнительные обследования.

Возможная госпитализация.

На другом конце несколько секунд было тихо.

— Почему ты говоришь об этом только сейчас?

— Я сама узнала сегодня.

— Ты одна ходила?

— Да.

— Почему мне не позвонила?

— До приёма?

— После.

— Мне нужно было забрать Юлю.

— Можно было позвонить по дороге.

— Я не хотела говорить до детей.

— Сейчас дети где?

— Рядом.

— А мне говоришь.

— Потому что Паша увидел папку. Пришлось объяснить.

Елизавета выдохнула.

— Что нужно делать?

Лина закрыла глаза.

Никаких обвинений.

Никакого требования доказать, что помощь необходима.

Только вопрос.

— Если меня госпитализируют, нужно будет пожить у нас.

— Хорошо.

— Возможно, несколько дней. Может, дольше.

— Хорошо.

— Юлю водить в сад.

— Буду.

— Павлу готовить. Проверять, чтобы он не сидел всю ночь

за компьютером.

— Постараюсь.

— И встречи Юли с Алексеем.

Елизавета помолчала.

— Он будет знать?

— Не уверена.

— А если спросит, где ты?

— Тогда решим.

— Лина.

— Что?

— Ты сейчас снова думаешь не об операции.

— Думаю.

— Нет. Ты составляешь график детей, передач и сада. А

что делать с тобой?

— Со мной будут врачи.

— А после?

Лина вспомнила предупреждение о тяжестях.

— Возможно, нельзя будет поднимать Юлю.

— Значит, останусь столько, сколько потребуется.

— У тебя работа.

— Договорюсь.

— Не нужно сразу обещать.

— А кому ещё ты можешь доверить детей?

Лина не ответила.

— Вот именно, — сказала Елизавета. — Поэтому я при-
еду.

— Спасибо.

— Не благодари заранее. Сначала получи результаты.

— Хорошо.

— И позвони мне после следующего обследования. Сразу.

Не вечером, не после сада и не когда все дела закончатся.

— Позвоню.

— Обещаешь?

Лина замерла.

Слово всё ещё вызывало внутри сопротивление.

Клятвы.

Требования.

Обещания, которые Алексей использовал как верёвки.

Елизавета, кажется, поняла.

— Ладно, — сказала она. — Не обещай. Просто позвони.

— Позвоню.

Ночью Юля проснулась в половине второго.

— Мама.

Лина услышала сразу.

Не плач.

Тихий зов из другой комнаты.

Она встала, накинула халат и подошла к кровати.

— Я здесь.

Юля лежала с открытыми глазами.

— Вода.

Лина подала кружку.

Девочка сделала два глотка и оттолкнула её.

— Спать.

— Спи.

— Ты тоже.

— Я рядом посижу.

Юля протянула руку.

Лина вложила в неё пальцы.

Постепенно дыхание дочери стало ровным.

Можно было уйти.

Но Лина осталась.

Сидела на краю кровати и смотрела на маленькую ладонь, державшую её даже во сне.

Через несколько недель эта рука может искать её ночью и не найти.

Тётя Лиза даст воду.

Поправит одеяло.

Возьмёт на руки.

Скажет, что мама скоро вернётся.

Но голос будет другим.

Запах другим.

Прикосновение другим.

Лина осторожно высвободила пальцы.

Юля сразу пошевелилась.

— Мама?

— Здесь.

Глаза девочки не открылись.

Она просто проверила.

— Здесь, — повторила Лина.

Через час Юля позвала снова.

Потом около четырёх.

Каждый раз Лина вставала.

Каждый раз садилась рядом.

Каждый раз отвечала одним словом:

— Здесь.

К утру она почти не спала.

Когда зазвонил будильник, Павел уже стоял в дверях.

— Она опять просыпалась?

— Несколько раз.

— Я слышал.

— Почему не спал?

Он пожал плечами.

— Не мог.

— Из-за нашего разговора?

— Не знаю.

Он подошёл к кровати сестры.

Юля спала, раскинув руки.

— Если ты ляжешь в больницу, она будет тебя звать, —
сказал Павел.

— Наверное.

— Тётя Лиза не сможет сделать вид, что она — ты.

— И не должна.

— А ты её услышишь?

Лина посмотрела на сына.

— Откуда?

— Из больницы.

— Нет.

Павел задумался.

— А вдруг услышишь?

Она вспомнила удары за стеной.

Девочку во сне.

Зелёный ключ.

Красные точки.

Двери, которые появлялись раньше, чем она понимала, зачем они нужны.

— Тогда отвечу, — сказала Лина.

— Как, если тебя здесь не будет?

— Не знаю.

Павел кивнул, будто такой ответ его устроил.

В их жизни уже были вещи, которые нельзя объяснить, но можно услышать.

Когда дети ушли в школу и сад, квартира стала тихой.

Лина поставила белую папку на стол.

Рядом положила синюю.

Открыла обе.

В синей каждый документ рассказывал, что делал Алексей.

Приехал.

Зафиксировал.

Потребовал.

Обратился.

Заявил.

В белой документы рассказывали о том, что происходило
внутри неё.

Размер.

Контуры.

Плотность.

Кровоток.

Предварительное заключение.

Две папки описывали одну жизнь на разных языках.

В первой Лина была должником, матерью, административным истцом, стороной соглашения.

Во второй — организмом, в котором обнаружили что-то лишнее.

Ни в одной она не была просто человеком, которому страшно.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Алексея:

Сегодня заберу Юлю из сада в установленное время. Просьба подготовить необходимые вещи.

Лина перечитала.

Он не спрашивал, как чувствует себя дочь.

Не сообщал, куда собирается её везти.

Не интересовался Линой.

Только подтверждал действие по графику.

Она ответила:

Хорошо. Вещи будут в шкафчике.

Положила телефон экраном вниз.

Если обследование подтвердит необходимость операции, график, вероятно, продолжит действовать.

Алексей приедет.

Заберёт Юлю.

Вернёт.

Увидит вместо Лины Елизавету.

Возможно, спросит, где мать ребёнка.

А возможно, нет.

Лина не знала, какой вариант ранит сильнее.

Его интерес.

Или его отсутствие.

Она закрыла синюю папку.

Белую оставила открытой.

На верхнем листе стояло слово:

Новообразование.

Ниже — рекомендация пройти дополнительное обследование.

Лина провела пальцем по строчке.

В доме, из которого она ушла, опасность всегда имела голос Алексея.

Теперь она впервые оказалась безголосой.

Она не звонила.

Не писала заглавными буквами.

Не стояла у подъезда.

Не составляла акты.

Она просто находилась внутри.

Лина взяла телефон и записалась на все назначенные процедуры.

Потом позвонила на работу.

— Мне нужно будет несколько раз уйти к врачу.

— Что-то серьёзное? — спросила руководительница.

— Пока не знаю.

— Справки принесёте?

— Да.

Снова справки.

Даже болезнь сначала должна была стать документом.

— Тогда оформим.

Лина завершила звонок.

Внесла даты в календарь.

Поставила напоминания.

Подготовила список анализов.

Написала Елизавете время следующего обследования.

Сделала всё, что обычно делала, когда боялась:
превратила страх в порядок действий.

Перед выходом из дома она подошла к зеркалу.

Положила ладонь на то место, где обнаружила уплотнение.

Ничего не изменилось.

Тело выглядело прежним.

Лицо тоже.

Никто на улице не догадался бы, что утром врач произнесла слово, после которого Лина начала мысленно распределять детей между близкими.

Она убрала руку.

Взяла белую папку.

Из комнаты донёсся детский голос:

— Мама.

Лина резко обернулась.

Квартира была пустой.

Юля находилась в саду.

Павел — в школе.

Она прислушалась.

Тишина.

Наверное, соседи.

Или звук из телефона.

Или усталость после бессонной ночи.

Лина надела куртку и открыла дверь.

— Мама.

Теперь голос прозвучал ближе.

Она замерла на пороге.

В конце коридора стояла девочка.

Та самая.

Светлое платье.

Распущенные волосы.

Босые ноги на холодном полу.

В руках девочка держала две папки.

Синюю и белую.

— Какую мне взять? — спросила Лина.

— Обе.

— Зачем?

— В одной написано, что с тобой делали другие.

— А во второй?

Девочка посмотрела на белую обложку.

— Что случилось с тобой самой.

— Там пока ничего не ясно.

— Поэтому ты боишься.

— Я боюсь оставить детей.

— Ты их не оставляешь.

— Если лягу в больницу, меня не будет рядом.

— Это не одно и то же.

— Для Юли — одно. Она зовёт меня, даже когда я в соседней комнате.

Девочка подошла ближе.

— Тогда отвечай.

— Из больницы она не услышит.

— Ты тоже не слышала человека за стеной, пока в доме было слишком много шума.

Лина вспомнила Юру.

Три слабых удара.

Трость возле его руки.

— Что ты хочешь сказать?

— Иногда зовут не для того, чтобы голос дошёл до комнаты.

— А для чего?

— Чтобы человек помнил, куда ему возвращаться.

Девочка протянула ей белую папку.

Лина взяла её.

Картон оказался тёплым.

— Я вернусь? — спросила она.

Но коридор уже был пуст.

В руках оставалась только настоящая папка с результатами обследования.

Холодная.

Тонкая.

Почти невесомая.

Лина закрыла дверь и пошла к лифту.

Впервые за долгое время ей предстояло собирать доказательства не против чужой лжи.

В пользу собственной жизни.

Глава 22. Месяц до ответа

Ожидание не имело отдельного места в календаре.

В нём стояли анализы.

Обследования.

Консультации.

Работа.

Детский сад.

Школа.

Дни встреч Юли с Алексеем.

Но между этими событиями оставались часы, когда от Лины ничего не зависело.

Именно они оказались самыми тяжёлыми.

Результаты одного исследования обещали подготовить через три рабочих дня.

Другого — через неделю.

Заключение специалиста можно было получить только после того, как будут готовы все предыдущие документы.

— Сколько это займёт полностью? — спросила Лина у администратора.

Девушка посмотрела записи на экране.

— Если ничего не переносить, около месяца.

— Целого месяца?

— Возможно, быстрее.

— А возможно, дольше?

— Это зависит не от нас. Некоторые результаты приходят из лаборатории.

Лина кивнула.

Месяц.

Тридцать дней между фразами:

«У вас обнаружено новообразование»

и

«Вот что мы будем делать дальше».

— Можно ускорить?

— Некоторые исследования доступны платно.

Администратор назвала сумму.

Лина мысленно вычла её из денег, отложенных на квартплату, продукты и адвоката.

Судебные расходы она уже научилась воспринимать почти без удивления.

Консультация.

Жалоба.

Копии.

Почтовые отправления.

Доверенность.

Экспертиза, которой её когда-то пугали.

Каждое действие имело цену.

Теперь цену получило и ожидание.

Можно было ждать бесплатно.

Или заплатить, чтобы бояться немного меньше времени.

— Запишите платно, — сказала она.

— На какую дату?

— На ближайшую.

Первое обследование назначили на восемь утра.

Лина подняла детей в половине шестого.

Павел встал сам. Обычно его приходилось будить дважды, а потом ждать, пока он сядет на кровати и окончательно проснётся. Сегодня он уже был одет, когда Лина заглянула в комнату.

— Ты чего так рано?

— Чтобы ты не опоздала.

— Я бы не опоздала.

— Юля долго ест.

— Я успею её покормить.

— Я уже сделал кашу.

На кухне стояла кастрюля.

Каша получилась густой, с комками. На столе лежала открытая пачка крупы, рядом была рассыпана соль.

— Не знал, сколько надо, — сказал Павел.

— Для первого раза отлично.

— Ты всё равно переделаешь?

— Нет.

Юля сидела на стуле и водила ложкой по поверхности каши.

— Не хочу.

— Нужно немного поесть, — сказала Лина.

— Невкусно, — честно ответила девочка.

Павел отвернулся к окну.

— Нормально, — сказала Лина. — Просто необычно.

Она попробовала ложку.

Каша действительно была пересолена.

— Слишком много соли? — спросил Павел.

— Совсем немного.

— Я видел твоё лицо.

— Для первого раза всё равно хорошо.

— Ты всегда так говоришь, когда плохо.

Лина поставила ложку.

— Паш, мне очень приятно, что ты встал раньше и приготовил завтрак. Но ты не обязан заменять меня.

— Я не заменяю.

— Тогда зачем?

Он пожал плечами.

— Чтобы ты не устала до больницы.

Слово повисло над столом.

Юля перестала ковырять кашу.

— Мама в больницу?

— Только на обследование, — ответила Лина.

— Укол?

— Может быть, возьмут кровь.

— Больно?

— Совсем немного.

Юля посмотрела на собственную руку и прижала её к груди.

— Я не буду.

— Тебе не нужно.

— И мама не будет.

— Мне нужно.

— Нет.

Она слезла со стула и обхватила Лину за ноги.

— Мама дома.

Лина погладила её по голове.

— Я вернусь, пока ты будешь в саду.

— Не ходи.

— Нужно сходить к врачу.

— Я подую.

Юля подняла лицо.

— И пройдёт.

Лина наклонилась к ней.

— Ты обязательно подуешь, когда я вернусь.

— Сейчас.

— Сейчас тоже можно.

Девочка подула на её живот через одежду.

— Всё.

— Спасибо.

— Уже не больно?

— Почти.

Павел молча убирал со стола.

Лина заметила, что он положил в раковину почти полную тарелку.

— Ты сам не поел.

— Не хочу.

— Поешь что-нибудь другое.

— Потом.

— В школе будешь голодный.

— Не буду.

Она хотела настоять.

Но увидела, как он избегает её взгляда.

— Ты переживаешь?

— Нет.

— Паш.

— Что?

— Можно переживать.

Он резко поставил кружку в раковину.

— Ты говоришь так, будто это помогает.

— Иногда помогает сказать вслух.

— А что изменится?

— Не придётся делать вид.

— Если я скажу, что боюсь, образование исчезнет?

Юля услышала незнакомое слово.

— Что исчезнет?

— Ничего, — сразу ответил Павел.

— Что?

— Ничего, Юль.

— Покажи.

— Там нечего показывать.

Она посмотрела на Лину.

— Мама, покажи.

Лина подняла дочь на руки.

Боль отозвалась внутри, но она не выдала себя.

— Паша говорил о моём обследовании.

— А где образование?

— Это слово не про школу. Так врачи называют то, что хотят проверить.

— Оно плохое?

— Пока не знаем.

— Выкинь.

Павел неожиданно рассмеялся.

Коротко.

Почти виновато.

— Вот и решение, — сказал он. — Почему врач не догадалась?

Юля тоже засмеялась, хотя не поняла шутки.

На несколько секунд страх потерял власть над кухней.

Потом Лина посмотрела на часы.

— Выходим через десять минут.

Обычная жизнь снова потребовала движения.

Возле детского сада Юля не хотела отпускать её руку.

Обычно она сама бежала к воспитательнице, показывала игрушку или рассказывала что-нибудь важное, понятное только ей. Сегодня стояла в раздевалке в одной колготке и держала Лину за два пальца.

— Давай вторую ногу.

— Не буду.

— Мы опоздаем.

— Я с мамой.

Воспитательница подошла ближе.

— Что случилось?

— Ничего, — сказала Лина. — Утро тяжёлое.

— Юленька, пойдём посмотрим, что нам сегодня принесли.

— Не хочу.

— Там новые карандаши.

— Нет.

— А пластилин?

Юля покачала головой.

— Мама.

Лина присела перед ней.

— Мне нужно уйти.

— Куда?

— К врачу.

— Я тоже.

— Детям туда сегодня нельзя.

— Я тихо.

— Я знаю. Но тебе нужно остаться в группе.

— Нет.

В глазах девочки появились слёзы.

— Мама уйдёт?

— И вернётся.

— Когда?

— После сна.

— Сейчас после сна?

— Сначала вы позавтракаете, погуляете, пообедаете, поспите. А потом я приду.

Юля заплакала.

Не громко.

Слёзы просто покатались по щекам, а пальцы сжались сильнее.

— Не уходи.

Лина почувствовала, как внутри поднимается паника.

Она могла отменить обследование.

Позвонить.

Сказать, что ребёнок плохо себя чувствует.

Перенести на другой день.

Ещё на неделю.

Ещё на месяц.

Она уже умела откладывать себя убедительно.

— Посмотри на меня, — сказала Лина.

Юля подняла глаза.

— Я всегда возвращаюсь.

— Всегда?

— Всегда.

— Обещаешь?

Слово снова сжало горло.

Но сейчас оно не было требованием Алексея.

Не было клятвой, которую заставляют дать, чтобы потом предъявить как долг.

Ребёнок просил у матери не доказательство.

Опору.

— Обещаю вернуться за тобой после сна.

— Сразу?

— Сразу, как закончу дела.

— Не папа?

— Сегодня я.

— Ты?

— Я.

Юля медленно разжала пальцы.

Воспитательница взяла её за руку.

— Пойдём к окошку. Помашем маме.

Лина вышла из раздевалки.

За дверь услышала:

— Мама!

Она остановилась.

Рука легла на ручку.

Можно было вернуться.

Ещё раз обнять.

Ещё раз объяснить.

Но тогда расставание началось бы заново.

— Идите, — тихо сказала воспитательница из-за двери.

— Она успокоится.

Лина пошла к выходу.

На улице подняла голову к окну группы.

Юля стояла за стеклом.

Одна ладонь прижата к окну.

Вторая находилась в руке воспитательницы.

Лина помахала.

Девочка не ответила.

Только смотрела, пока мать не скрылась за углом.

В медицинском центре пахло антисептиком и кофе из автомата.

Лина пришла на десять минут раньше.

Перед ней сидели две женщины.

Одна листала новости в телефоне.

Другая держала на коленях пакет с бахилами и повторяла:

— Я не нервничаю. Просто давление поднялось.

Мужчина рядом с ней отвечал:

— Конечно.

Каждые две минуты женщина спрашивала, сколько осталось ждать.

Лина узнавала в ней себя.

Только сама не произносила вопросов вслух.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Павла:

Ты уже там?

Она ответила:

Да. Жду.

Через несколько секунд:

Юля сильно плакала?

Немного. Осталась с воспитательницей.

Она чувствует.

Лина посмотрела на экран.

Что чувствует?

Павел долго печатал.

Что ты можешь уйти надолго.

Лина стёрла первый ответ.

Написала другой:

Я сегодня вернусь вовремя.

Он прочитал.

Ничего не ответил.

— Порошина, — позвала медсестра.

Лина выключила экран.

Исследование заняло меньше времени, чем дорога.

Врач задавала вопросы, делала измерения, несколько раз возвращалась к одному участку.

На мониторе двигались серые тени.

Лина смотрела на лицо специалиста.

Пыталась поймать изменение.

Нахмурилась ли она?

Задержала ли дыхание?

Почему нажала сильнее?

Почему снова измеряет?

— Что вы видите? — не выдержала Лина.

— Пока провожу исследование.

— Оно стало больше?

— С чем сравнивать?

— С предыдущим результатом.

— Заключение будет после описания.

— Но вы можете сказать сейчас?

— Нет.

— Почему?

— Потому что пациент начинает интерпретировать каждое слово, сказанное до завершения исследования.

— Я всё равно интерпретирую ваше молчание.

Врач посмотрела на неё.

— Тогда интерпретируйте так: мне нужно закончить работу.

Лина отвернулась к потолку.

На белой плитке была едва заметная трещина.

Она проследила её от лампы до стены.

Когда-то в доме Алексея она изучала углы обзора камер.

Теперь пыталась читать выражение чужого лица.

Смысл был тем же.

Найти информацию раньше, чем её сообщат официально.

Подготовиться.

Не дать застать себя врасплох.

— Всё, — сказала врач. — Можете одеваться.

— И?

— Результат получите в регистратуре.

— Сегодня?

— Предварительный — да. Окончательный после дополнительных данных.

Снова не ответ.

Только новая ступень ожидания.

В машине Лина открыла заключение.

Термины стали сложнее.

К прежним цифрам добавились новые.

В конце стояло:

Рекомендована консультация онколога.

Слово ударило сильнее всего остального.

Она перечитала его несколько раз.

Не диагноз.

Не подтверждение.

Только консультация.

Но рядом с ним всё обычное стало ненастоящим.

Машины двигались по парковке.

Кто-то ругался из-за занятого места.

Молодая женщина укладывала ребёнка в автокресло.

Курьер нёс бумажный пакет с едой.

Лина сидела за рулём и смотрела на строку, после которой мир должен был хотя бы ненадолго остановиться.

Он не остановился.

В телефоне сработало напоминание:

Купить Юле влажные салфетки.

Следом пришло сообщение из школы:

Просьба до пятницы принести согласие на участие в экскурсии.

Потом написал Алексей:

В четверг заберу Юлю в соответствии с соглашением. Прошу не создавать препятствий.

Три уведомления появились одно за другим.

Салфетки.

Экскурсия.

Соглашение.

Онколог.

Всё занимало одинаковую ширину на экране.

Лина закрыла глаза.

Ей захотелось позвонить кому-нибудь и сказать:

Мне страшно.

Не объяснять.

Не перечислять результаты.

Не обсуждать вероятность.

Просто произнести это вслух.

Она выбрала номер Елизаветы.

Гудки шли долго.

— Да? — наконец ответила сестра.

На заднем плане кто-то разговаривал.

— Ты занята?

— На работе. Что сказали?

Лина посмотрела на заключение.

— Направили к онкологу.

Шум на другом конце исчез. Наверное, Елизавета вышла из помещения.

— Когда?

— Консультация через несколько дней.

— Ты записалась?

— Ещё нет.

— Запишись сейчас.

— Я хотела сначала...

— Что?

— Не знаю.

— Лина, запишись.

— Хорошо.

— Я поеду с тобой.

— Не нужно.

— Это не вопрос.

— У тебя работа.

— Отпрошусь.

— Я справлюсь.

— Я знаю. Но справиться и пройти через это одной — разные вещи.

Лина сжала лист.

— Мне нужно забрать Юлю.

— Во сколько?

— После сна. Я обещала.

— Успеваешь?

— Да.

— Тогда забери. Вечером позвонишь.

— Хорошо.

— И запишись к врачу до того, как начнёшь покупать салфетки, готовить ужин и делать вид, что заключения нет.

Лина посмотрела на уведомление.

— Откуда ты знаешь про салфетки?

— Потому что знаю тебя.

Впервые за день Лина улыбнулась.

— Запишусь.

Она завершила звонок и набрала номер медицинского центра.

Юля выбежала из группы в носках.

— Мама!

Воспитательница несла за ней тапочки.

— Подождите, куда же вы?

Юля врзалась в Лину и обняла её за ноги.

— Ты пришла.

— Я обещала.

— После сна.

— После сна.

— Я спала быстро.

— Правда?

— Да. Глазки закрыла — и всё.

Воспитательница подошла к ним.

— Не совсем всё. Она два раза вставала и спрашивала, пришли ли вы.

— Я ждала, — объяснила Юля.

— Вижу.

— Ты была у врача?

— Была.

— Укол делали?

— Нет.

— Значит, не больно.

Лина посмотрела на дочь.

Как легко дети измеряли опасность.

Если нет иглы — значит, не больно.

Если мама вернулась после сна — значит, не исчезла.

Если можно обнять — значит, всё хорошо.

— Сегодня не больно, — сказала она.

Юля удовлетворённо кивнула.

— Пойдём домой.

В раздевалке Лина помогла ей надеть колготки и брюки. Потом обнаружила, что забыла влажные салфетки.

— Завтра принесу, — сказала она воспитательнице.

— Ничего страшного.

Ничего страшного.

Эти слова сегодня произносили слишком легко.

Павел ждал их возле подъезда.

— Почему ты на улице?

— Решил встретить.

— Я же написала, что еду.

— Знаю.

Он взял у неё пакет.

— Что врач сказал?

— Нужно ещё одно обследование и консультация.

— Значит, ничего не выяснили?

— Пока нет.

— Сколько можно выяснять?

— Иногда быстро не получается.

— Ты показывала другому врачу?

— Ещё нет.

— Надо показать.

— Покажу.

— Когда?

— Записалась на понедельник.

— Я пойду с тобой.

— У тебя школа.

— Пропущу.

— Нет.

— Почему тёте Лизе можно, а мне нельзя?

Лина остановилась.

— Потому что ты ребёнок.

— Удобно.

— Что удобно?

— Когда нужно сидеть с Юлей или понимать документы, я уже большой. Когда хочу знать, что с тобой, сразу ребёнок.

Она не нашла быстрого ответа.

Павел был прав.

После ухода от Алексея Лина слишком часто опиралась на него.

Просила присмотреть за сестрой, пока готовила документы.

Обсуждала, безопасно ли выходить во двор.

Спрашивала, не видел ли он знакомую машину.

Он становился старше не постепенно.

Его взрослость включалась каждый раз, когда матери требовалась помощь.

— Ты имеешь право знать, — сказала Лина. — Но ходить со мной по больницам не обязан.

— Я не говорю, что обязан.

— Тогда зачем?

— Потому что не хочу сидеть в школе и думать, что тебе там скажут.

— Я позвоню сразу после приёма.

— Точно?

— Точно.

— Не сначала заберёшь Юлю, не купишь продукты, не приедешь домой?

— Сразу.

— Записать?

— Что?

Он достал телефон.

— Твоё обещание.

Лина улыбнулась.

— Можешь записать.

Павел включил диктофон и нарочито официальным голосом произнёс:

— Мама обязуется позвонить Павлу сразу после консультации в понедельник.

— Возражаю против слова «обязуется».

— Почему?

— Слишком похоже на мировое соглашение.

Он впервые за несколько дней рассмеялся.

— Тогда мама добровольно обещает.

— Вот так лучше.

— Скажи в микрофон.

Лина наклонилась к телефону.

— Я добровольно обещаю позвонить Павлу сразу после консультации.

— Всё.

Он остановил запись.

— Теперь доказательство есть.

Шутка прозвучала легко.

Но Лина почувствовала скрытую под ней тревогу.

Даже обещание матери вернуться из больницы сыну хотелось сохранить в записи.

Вечером Алексей позвонил.

Лина не ответила.

Он набрал снова.

Потом пришло сообщение:

Почему игнорируешь? Вопрос касается ребёнка.

Следом:

Подтверди четверг.

Лина уже подтверждала.

Она нашла своё сообщение и сделала снимок экрана.

Написала:

Подтверждение направлено ранее. Встреча состоится по установленному графику.

Ответ пришёл сразу:

Нормально ответить нельзя?

Она не стала продолжать.

Положила телефон на стол.

— Он? — спросил Павел.

— Да.

— Что хочет?

— Подтверждение встречи.

— Ты уже подтверждала.

— Уже.

— Тогда зачем спрашивает?

Лина посмотрела на сына.

Раньше она попыталась бы объяснить.

Возможно, не увидел.

Возможно, хочет убедиться.

Возможно, беспокоится.

Теперь оправдания закончились.

— Чтобы я ответила ещё раз.

— Зачем?

— Чтобы проверить, отвечу ли.

Павел кивнул.

— Как камера.

— Что?

— Камера тоже всё время проверяла, что мы там.

Лина посмотрела на лежащий экраном вниз телефон.

Дом действительно уехал с ними не только в ноутбуке и обнаруженной программе.

Он переместился в привычку быть доступной.

Отчитываться.

Подтверждать уже подтверждённое.

Доказывать присутствие.

Разница заключалась в том, что сейчас Лина могла не отвечать.

Она убрала телефон в ящик.

— Сегодня больше не читаем.

— А если что-то важное?

— Важное останется важным до утра.

— Ты раньше так не делала.

— Раньше я думала, что должна отвечать сразу.

— А теперь?

Лина коснулась белой папки.

— Теперь у меня есть вещи важнее его нетерпения.

Ночью она долго не могла уснуть.

Юля лежала рядом.

После утреннего расставания девочка отказалась идти в свою кровать.

— Только сегодня, — сказала Лина.

Но обе знали, что это решение не обязательно продержится до утра.

Павел тоже несколько раз выходил из комнаты.

Сначала за водой.

Потом проверить входную дверь.

В третий раз остановился на пороге спальни.

— Ты не спишь?

— Нет.

— Почему?

— Мысли мешают.

— Мне тоже.

— Ложись.

Он принёс одеяло и устроился на краю кровати.

Юля спала между ними.

На маленькой кровати стало тесно.

— Если она толкнётся, скажи, — прошептала Лина.

— Она уже пнула меня.

— Куда?

— В живот.

— Можешь вернуться к себе.

— Нет.

Некоторое время они молчали.

— Мам?

— Что?

— Ты говорила, что образование может быть разным.

— Да.

— А каким хорошим?

— Доброкачественным.

— Это значит, его уберут и всё?

— Возможно.

— А плохим?

Лина почувствовала, как напряглись её плечи.

— Давай не будем сейчас разбирать все варианты.

— Ты сама сказала, что можно бояться вслух.

— Сказала.

— Тогда я боюсь, что оно плохое.

— Я тоже.

Это признание не разрушило комнату.

Потолок не обвалился.

Юля не проснулась.

Страх, названный вслух, остался страшным, но перестал быть тайным.

— И что теперь? — спросил Павел.

— Ждём результаты.

— Целый месяц?

— Не обязательно весь. Я записалась платно, чтобы получилось быстрее.

— Дорого?

— Терпимо.

— А адвокат?

— Что адвокат?

— Ты откладывала деньги.

— Здоровье сейчас важнее.

— А если Алексей опять что-нибудь подаст?

— Будем решать.

— На какие деньги?

— Паш.

— Я просто спрашиваю.

— Это не твоя забота.

— Но я слышу, когда ты с тётёй Лизой разговариваешь.

Лина закрыла глаза.

В маленькой квартире действительно негде было спрятать тревогу.

Она проходила сквозь стены.

Оставалась в голосе.

Ложилась рядом с детьми.

— Мы справимся, — сказала она.

— Это ты знаешь или обещаешь?

Тот же вопрос.

— Это решение.

— В смысле?

— Я не знаю, что покажут анализы. Не знаю, сколько будет стоить лечение. Не знаю, что ещё сделает Алексей. Но знаю, что не перестану искать выход.

Павел долго молчал.

— Тогда ладно.

— Что ладно?

— Решение лучше обещания.

Лина протянула руку через спящую Юлю.

Павел вложил в неё ладонь.

Так они и лежали.

Мать.

Сын.

Между ними — ребёнок, который даже во сне держал край маминой футболки.

Через три дня пришёл первый результат.

Уведомление появилось во время рабочего совещания.

Лина увидела начало сообщения:

Результаты исследования готовы...

Остальные слова не поместились на экране.

Она не открыла.

Сидела за столом, слушала обсуждение отчёта и чувствовала, как телефон становится тяжелее.

— Лина, вы согласны? — спросила руководительница.

— С чем?

Несколько человек посмотрели на неё.

— С переносом срока.

— Да. Извините.

— Всё хорошо?

— Да.

Она снова соврала.

До конца совещания оставалось двадцать минут.

Можно было открыть файл незаметно.

Прочитать.

Узнать.

Но если внутри находилось что-то плохое, ей пришлось бы сидеть перед коллегами и делать вид, что понимает раз-

говор.

Она дождалась окончания.

Вышла в коридор.

Открыла приложение.

Ввела пароль.

Файл загружался медленно.

На экране вращался серый круг.

Появилась первая страница.

Потом вторая.

Лина начала читать снизу — с заключения.

Термины ничего ей не сказали.

Рядом с некоторыми показателями стояли звёздочки.

Она открыла поиск в интернете.

Первый результат содержал слово «риск».

Второй — «онкология».

Третий — «не является самостоятельным основанием для постановки диагноза».

Лина закрыла браузер.

Именно поэтому врачи просили не интерпретировать анализы самостоятельно.

Но человеку, который ждёт ответа, невозможно просто держать документ закрытым до консультации.

Она отправила файл Елизавете.

Сестра позвонила сразу.

— Ты читала?

— Да.

— Что там?

— Не понимаю.

— Тогда не ищи в интернете.

— Уже искала.

— Конечно.

— Там есть отклонения.

— Отклонение не равно диагнозу.

— Ты откуда знаешь?

— Потому что только что прочитала ту же фразу, которую тебе должны были написать крупными буквами.

— Консультация в понедельник.

— Я поеду.

— Не нужно.

— Мы уже говорили.

— Хорошо.

— Ты сейчас где?

— На работе.

— Дети?

— В школе и саду.

— Вечером не оставайся одна.

Лина посмотрела в окно.

— Я не одна уже много лет.

— Ты поняла, что я имею в виду.

Поняла.

Можно находиться рядом с детьми и всё равно оставаться единственным взрослым, который несёт весь страх.

— Приезжай, — сказала она.

Это слово далось труднее, чем просьба о юридической помощи.

Труднее, чем признание врачу.

Труднее, чем ответы приставу.

Но Елизавета не заставила повторять.

— После работы буду.

В тот вечер они ужинали вчетвером.

Елизавета принесла пирог и фрукты. Юля сразу забралась к ней на колени, Павел рассказывал о школьной экскурсии. Некоторое время никто не говорил о больнице.

Лина наблюдала за ними.

Вот как будет выглядеть квартира, если её госпитализируют.

Елизавета на кухне.

Павел напротив.

Юля требует другую ложку.

Всё работает.

Тарелки стоят на столе.

Еда разогрета.

Дети не одни.

Эта картина должна была успокаивать.

Вместо этого Лина почувствовала тоску по дому, из которого ещё не ушла.

— Ты чего? — спросила Елизавета.

— Ничего.

— Опять.

Павел поднял голову.

— Она так говорит, когда плохо.

— Я знаю, — ответила Елизавета.

— Давайте не будем обсуждать меня так, будто меня здесь нет.

— Тогда сама скажи, — предложила сестра.

Лина посмотрела на Юлю.

Та выбирала из пирога начинку и складывала тесто на край тарелки.

— Я думаю, что вы справитесь без меня.

Павел сразу понял.

— Мы не хотим без тебя.

— Я знаю.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что, если потребуется больница, тётя Лиза сможет побыть с вами.

Юля услышала знакомое слово.

— Мама в больницу?

— Пока нет.

— Я тоже.

— Нет, солнышко.

— Тогда мама не идёт.

Елизавета обняла её.

— Мама сходит к врачу и вернётся.

— После сна?

— Возможно, не после одного, — сказала Лина.

Юля нахмурилась.

— Сколько?

— Может быть, несколько.

— Два?

— Может быть.

— Три?

— Не знаем.

Девочка загнула пальцы.

— Потом мама?

— Потом мама вернётся.

Юля слезла с коленей Елизаветы, подошла к Лине и попыталась забраться к ней на руки.

Лина подняла дочь.

Снова почувствовала боль.

На этот раз Елизавета заметила.

— Тебе нельзя её носить?

— Пока никто не запрещал.

— Но больно?

— Иногда.

— Посади.

— Она хочет на руки.

— Лина.

— Что?

— Не нужно доказывать любовь весом ребёнка.

Фраза прозвучала резко.

Юля обхватила мать за шею.

— Я лёгкая.

— Конечно, лёгкая, — прошептала Лина.

— Как пёрышко.

— Как самое тяжёлое пёрышко в мире.

Юля рассмеялась.

Но Лина всё-таки села вместе с ней.

Елизавета убрала тарелки.

— Если будет операция, я возьму отпуск, — сказала она.

— Мы ещё не знаем.

— Поэтому я говорю «если».

— Тебе могут не дать.

— Тогда оформлю за свой счёт.

— Потеряешь деньги.

— Деньги потом заработаю.

— Не хочу, чтобы из-за меня...

— Перестань.

Елизавета повернулась к ней.

— Ты несколько лет жила так, будто помощь нужно сначала заслужить. Потом подробно объяснить, зачем она понадобилась. Потом доказать, что не могла справиться сама. И всё равно извиниться. Со мной этого не будет.

Лина молчала.

— Если нужна буду — приеду, — продолжила сестра. —

Без суда, соглашения и акта передачи.

Павел усмехнулся.

— А расписание?

— Составим для себя.

— Алексей тоже говорил, что расписание для всех.

— Наше можно будет менять.

— Тогда это хорошее расписание.

Лина посмотрела на них.

Впервые возможная госпитализация выглядела не как пропасть.

Скорее как мост, который пока ещё предстояло построить.

В понедельник к врачу они приехали вместе.

Елизавета сидела рядом с Линой в коридоре и листала её документы.

— Почему здесь два раза одно и то же заключение?

— Одно предварительное.

— А это?

— Повторное исследование.

— А снимки?

— В приложении.

— Пароль помнишь?

— Да.

— Запиши мне на всякий случай.

— Зачем?

— Если после операции тебе будет трудно заниматься телефонами.

Лина посмотрела на неё.

— Мы ещё даже не знаем, будет ли операция.

— Тогда бумажку выбросим.

В этот момент позвонил Павел.

— Ты уже у врача?

— Жду.

— Тётя Лиза с тобой?

— Да.

— Позвонишь сразу?

— Добровольно обещаю.

— Хорошо.

На заднем плане прозвучал школьный звонок.

— Иди на урок.

— У тебя сколько времени?

— Не знаю.

— Напиши хотя бы одно слово.

— Какое?

— «Нормально».

— А если будет не нормально?

Он замолчал.

— Тогда напиши правду.

Лина закрыла глаза.

— Хорошо.

— Только сразу.

— Сразу.

Вызов закончился.

Елизавета вернула ей телефон.

— Он всё понимает.

— Слишком много.

— Дети всегда понимают больше, чем взрослые хотят им сообщить.

— Я хотела его защитить.

— От чего?

— От ожидания.

— А сама можешь от него защититься?

Лина посмотрела на дверь кабинета.

— Нет.

— Вот и он не может.

Врач изучала результаты долго.

Открыла снимки.

Сравнила заключения.

Задала несколько уточняющих вопросов.

Лина ждала.

Елизавета сидела рядом и не перебивала.

Наконец врач сложила документы.

— По имеющимся данным образование требует удаления.

Лина услышала только последнее слово.

— Операция?

— Да.

— Вы уверены?

— Окончательное решение примет хирург после дополнительного обследования, но консервативное наблюдение в вашем случае не считаю правильным.

— Оно злокачественное?

— Сейчас нет окончательного подтверждения. Материал исследуют после удаления.

— То есть сначала операция, потом станет понятно?

— Полная картина — да.

— Когда?

— Вам дадут направление. Срок зависит от записи и предоперационной подготовки.

— Насколько срочно?

— Затягивать не следует.

— Сколько я буду в больнице?

Врач посмотрела на неё поверх очков.

— Вы снова начинаете с выписки.

— Потому что мне нужно организовать детей.

— Если всё пройдёт без осложнений, госпитализация может быть недолгой. Но восстановление продолжится дома.

— Сколько дней?

— Точную цифру никто не даст.

— Хотя бы приблизительно.

Врач назвала возможный диапазон.

Лина мысленно пересчитала его в ночи.

Столько раз Юля проснётся.

Столько раз спросит, где мама.

Столько утр Елизавета будет вести её в сад.

Столько вечеров Павел станет делать вид, что всё нормально.

— Поднимать тяжёлое будет нельзя, — добавила врач.

— Ребёнок весит...

— Вы уже спрашивали. Нельзя.

— Даже ненадолго?

— Даже ненадолго.

— А если она сама залезет ко мне?

— Сидя можете обнять. Поднимать с пола, носить, укладывать в кроватку — нет.

Лина опустила глаза.

— Мы справимся, — сказала Елизавета.

Врач перевела взгляд на неё.

— Вы сестра?

— Да.

— Хорошо, что вы рядом. В первые дни помощь действительно понадобится.

— Я буду с детьми.

— Тогда этот вопрос решён.

Лина хотела возразить.

Вопрос не был решён.

Он только получил технический ответ.

Кто приготовит.

Кто отведёт.

Кто заберёт.

Кто откроет дверь.

Но никто не мог ответить, как объяснить Юле, почему мама не приходит после сна.

Выйдя из кабинета, Лина достала телефон.

На экране было три сообщения от Павла:

Ну что?

Ты вышла?

Мам?

Она набрала его.

Он ответил сразу.

— Что сказали?

— Понадобится операция.

В трубке стало тихо.

— Когда?

— Пока не назначили.

— Это значит, плохое?

— Это значит, что образование нужно убрать и исследовать.

— А потом?

— Потом будем знать точно.

— Ты долго будешь в больнице?

— Врач говорит, что, если всё пройдёт хорошо, недолго.

— Сколько?

— Несколько дней.

Лина не повторила названный врачом диапазон.

Не потому, что хотела обмануть.

Потому что «несколько» пока оставляло возможность вернуться раньше.

— Юле скажем сегодня? — спросил Павел.

— Да.

— А Алексею?

Лина посмотрела на Елизавету.

Сестра слышала вопрос.

— Пока не знаю.

— Он должен знать?

— О моей операции — нет.

— А что тётя Лиза будет с нами?

— Если это повлияет на встречи, сообщим только необходимое.

— Он может использовать это?

Лина вспомнила ложный донос.

Утверждение, что дети остались без присмотра.

Проверку ПДН.

Вопросы о том, почему за ними смотрела соседка.

— Может попытаться.

— Тогда нужно всё записывать.

— Паш...

— Я не про диктофон. Напиши, когда тётя Лиза приехала. Когда отвела Юлю. Когда забрала. Чтобы потом он не сказал, что мы были одни.

Лина прислонилась к стене.

Ребёнок снова строил доказательство раньше, чем произошло обвинение.

— Запишу, — сказала она.

— И мне скажи дату операции.

— Как только назначат.

— Сразу?

— Сразу.

— Ладно.

— Ты как?

— Нормально.

— Это правда?

Пауза.

— Нет.

— Мне тоже не нормально.

— Но ты вернёшься?

Лина посмотрела на направление в своей руке.

Там были коды.

Печати.

Подписи.

Ни одной гарантии.

— Я очень постараюсь вернуться как можно быстрее.

— Опять честный ответ.

— Да.

— Ненавижу их.

— Помню.

Он отключился.

В машине Елизавета не заводила двигатель.

— Ты не обязана сейчас ехать на работу.

— Обязана.

— После такого заключения можно взять день.

— И что я буду делать дома?

— Плакать.

— Очень продуктивно.

— Не всё обязано быть продуктивным.

Лина положила направление в белую папку.

Она стала толще.

— Мне нужно забрать Юлю, купить продукты и закончить отчёт.

— В правильном порядке?

— А какой правильный?

— Сначала признать, что тебе страшно.

— Я признала.

— Словами.

— А как ещё?

— Не знаю. Но ты выглядишь так, будто получила новое поручение.

Лина застегнула папку.

— Это и есть поручение. Пройти подготовку. Сдать анализы. Лечь в больницу. Восстановиться.

— Ты не документ.

— Сейчас так проще.

Елизавета завела машину.

— Проще — не значит безопаснее.

— Мне нельзя развалиться.

— Почему?

— Потому что дети увидят.

— Они уже видят.

За окном больницы люди входили и выходили через стеклянные двери.

Кто-то курил у урны.

Кто-то говорил по телефону.

Пожилая женщина держала мужчину под руку.

— Когда ты лежала в детстве с аппендицитом, — сказала Елизавета, — мама три ночи сидела под дверью отделения.

— Её не пускали?

— Пускали днём. А ночью она всё равно не уезжала.

— Зачем?

— Говорила, что ты проснёшься и испугаешься.

Лина не помнила больницу.

Только тусклый коридор и стакан компота.

— Она рассказывала?

— Потом. Ты всё время звала её после наркоза.

Лина повернулась к сестре.

— Сколько мне было?

— Семь.

— Я не помню.

— Тело, наверное, помнит.

— Почему ты вспомнила?

Елизавета посмотрела прямо перед собой.

— Потому что Юля тоже будет тебя звать.

Лина закрыла глаза.

— Знаю.

— И ты будешь рваться домой раньше времени.

— Конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.